

Александр ГОМБОЕВ

ОТ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ К ДЕМОКРАТИИ: МОНГОЛИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ МОНГОЛИСТОВ

В статье рассматриваются оценки и анализ внешнеполитической деятельности Монгольского государства, данные зарубежными монголистами. Западная методологическая концепция значительно отличается от россицентричного взгляда на историю Монголии. Анализируются основы «многоопорной» внешнеполитической стратегии современной Монголии, отвечающей задачам ее национальной безопасности. Принцип равноудаленности в отношениях с основными внешнеполитическими партнерами сегодня становится менее оправданным и эффективным, т.к. при таком подходе неизбежное преимущество получает китайская сторона. Таким образом, переосмысление представлений о путях обеспечения национальной безопасности является одной из самых насущных задач современной Монголии. В том числе речь может идти об увеличении внимания к экономическому сотрудничеству с российской стороной.

The article examines assessments and analysis of the Mongolian foreign policy, given by foreign scientists. Western methodological concept is significantly different from the Russian-oriented view at the history of Mongolia. Foundations of the «multi-supporting» foreign policy of modern Mongolia, which is responsible to the challenges of its national security, are analyzed. The principle of equidistance in relations with major foreign partners is becoming less feasible and effective, because such an approach inevitably brings advantages for the Chinese side. Thus, redefining ideas about ways of ensuring national security is one of the most pressing problems for the modern Mongolia. In this case it is appropriate to speak about increasing attention to economic cooperation with Russia.

Ключевые слова:

Монголия, монголоведение, историография, Китай, Россия, внешняя политика; Mongolia, Mongol study, historiography, China, Russia, foreign policy.

В зарубежной ориенталистике актуальны исследования многовековой истории Монголии как политического ядра огромной евразийской державы. Западная методологическая концепция значительно отличается от россицентричного взгляда на историю Монголии. Анализ истории кочевого общества Чингизидов в мировом монголоведении традиционно начинается с источниковедческого и историографического анализа, посвященного истории государства Чингисхана и Чингизидов, формированию евразийской теории¹. В мировом монголоведении имеется ряд крупных историографических исследований, в которых проанализированы основные трудности по проблемам государственности народов монголо-тюркского ареала².

В XXI в. в зарубежном монголоведении особый интерес вызывают проблемы эволюции государства Чингизидов от кочевого к постиндустриальному обществу, а также деятельность руководства Монголии, направленная на построение общества по демократическим лекалам Европы. Большое значение придается стратегии кочевой страны на международной арене. Зарубежные монголоведы активно изучают новую внешнеполитическую линию многопартийного руководства Монголии по формированию позиций «третьего соседа», «мягкой силы» в отношениях с зарубежными соседями. В рамках обоснования этой стратегии большое значение начинают приобретать проблемы международной безопасности монгольского государства³.

ГОМБОЕВ

Александр
Олегович —
аспирант

Института
монголоведения,
буддологии и
тибетологии
СО РАН

alexandergomboev@
mail.ru

¹ Sinor D. Notes on Inner Asian Bibliography, IV. History of the Mongols in the 13th century // Journal of Asian History, 1989, vol. 23, № 1.

² Allsen T. The Mongols in East Asia, Twelfth-Fourteenth Centuries: A Preliminary Bibliography of Books and Articles in Western Languages. — Philadelphia, 1976.

³ Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии: представления и реалии // Материалы международной научно-практической конференции «Россия — Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества». — Улан-Удэ : Бэлиг, 2012, с. 321.

История Монголии последнего столетия продемонстрировала устойчивую зависимость ее национальной безопасности от внешних факторов, представленных политикой великих держав в этом регионе мира. Обретение Монголией независимости от Цинского, а затем — республиканского Китая было бы невозможно без поддержки со стороны Российской империи и позже — СССР. Оборонная политика Монголии социалистического периода была полностью увязана с советско-монгольским военно-политическим союзом, а выражение: «СССР — гарант безопасности МНР» не являлось лишь идеологическим лозунгом.

Опыт XX в. повлиял на представления о национальной безопасности Монголии. На смену односторонней ориентации Улан-Батора на северного соседа пришла политика, направленная на многосторонние отношения с различными государствами и международными организациями. Эта внешнеполитическая стратегия получила название многоопорной (монг. — олон тулгуурт)¹ и означала поддержание добрососедских отношений с географическими соседями — Россией и Китаем, а также выстраивание отношений с так называемым третьим коллективным соседом, представленным внерегиональными акторами — США, Японией, Германией и др. В основу многоопорной внешней политики был положен принцип равноудаленности (термин, не употребляемый в официальных монгольских документах, но отражающий существо вопроса) от основных внешних партнеров страны. Равноудаленность рассчитана на то, что Москва, Пекин и третьи игроки будут уравнивать друг друга в процессе конкурентной борьбы за влияние на Монголию. Тем самым национальная безопасность страны будет увязана с желаемым балансом внешних сил².

На протяжении большей части XX в. борьба великих держав за влияние в Монголии шла с использованием военных методов. Выход Монголии из состава Цинской империи состоялся при прямой (в т.ч. военной) поддержке Российской империи. Дальнейшие события, имевшие отношение к обретению Монголией

независимости и национального суверенитета, были также связаны с силовыми методами. Это и борьба против китайских оккупантов и войск барона Р. Унгерна, и бои против Японии на реке Халхин-Гол, и конфронтация с КНР в 1960-х—1980-х гг. И только вывод советских войск из Монголии на рубеже 1980-х—1990-х гг. привел к ситуации, когда страна перестала рассматриваться в качестве арены военного противостояния великих держав.

В нулевых годах стало очевидным изменение существовавшего ранее баланса сил. Принцип равноудаленности в отношениях с основными внешнеполитическими партнерами сегодня становится менее оправданным и эффективным, ибо при таком подходе неизбежное преимущество получает китайская сторона³. Таким образом, переосмысление представлений о путях обеспечения национальной безопасности является одной из самых насущных задач для современной Монголии. В том числе речь может идти об увеличении внимания к экономическому сотрудничеству с российской стороной. Россия уже в силу географического соседства объективно является самой заинтересованной стороной в деле удержания Монголии вне сферы монопольного китайского влияния.

Одним из основных инструментов «большой игры» стали факторы мягкого влияния (*soft power*). Начиная с Дж. Ная, эта исследовательская традиция получила широкое признание, несмотря на достаточно содержательную критику⁴. Данная теория была взята на вооружение и китайскими политологами Ванг Пейраном, Ли Мингджангом, Лю Цзайцином, Ян Сюэтуном.

Создание в 2001 г. Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), включившей в себя КНР и РФ, оказало влияние на и Монголию. Ключевое направление деятельности ШОС — борьба с сепаратизмом и терроризмом открывает для Монголии важную геополитическую альтернативу. Во многом это вопрос региональной идентичности страны, который для Монголии является ситуативным. Этот феномен хорошо охарактеризовали китайские политологи, назвав Монголию «осто-

¹ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Ардын эрх, 1994, 17 июля.

² Родионов В.А. Указ. соч., с. 322.

³ Jackson P. The State of Research The Mongol Empire, 1986–1999 // Journal of Medieval History, 2000, vol. 26, № 2.

⁴ Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. — М., Новосибирск, 2006.

рожно балансирующим государством»¹. В то же время проблема вступления МНР в ШОС имеет множество аспектов. Так, вступление Монголии в Шанхайскую организацию формирует образ новой Центральной Евразии, недружественной к западным ценностям и демократиям. Провал демократического эксперимента в Монголии серьезно затронул бы интересы стран-доноров и, возможно, привел бы к необратимому росту китайского влияния. С другой стороны, членство Монголии в ШОС поместит ее в ранг центральноазиатских государств, которые с меньшей долей вероятности могут быть реинкорпорированы в состав возрожденной Российской империи. И США, и Япония не желают видеть, как Монголия дрейфует в направлении политической орбиты ее прежних хозяев.

Лидеры Монголии могут рассматривать ШОС как клуб, открывающий новую эпоху российско-китайского сближения и сотрудничества. Однако преимущественно буддистская Монголия имеет мало общего с исламским лагерем, православной Россией и атеистическим, условно коммунистическим Китаем. Поэтому мы можем сделать вывод о том, что, вступив в ШОС, Монголия закрывает себе дверь к политике «третьего соседа»².

Среди проблем, которые анализируют зарубежные ученые, ключевыми являются:

1) выбор модели социально-экономического развития, которая бы соответствовала прежней традиции сотрудничества Монголии с Россией, Китаем, третьими странами, отвечала стремлениям широких кругов общества к этому развитию. Без этой поддержки модернизация государственной модели общества невозможна;

2) интеграция Монголии в мировое сообщество и мирохозяйственную систему, плотное вхождение в мировой рынок, что может обеспечить переходной экономике и политике Монголии высокий уровень социально-экономического развития и благосостояния населения;

3) интеграция бывших постсоциалистических стран в рамках ШОС, а также

стран СНГ по типу Европейского сообщества. Разностороннее взаимодействие Монголии с этими странами может создать условия для использования различных экономических ресурсов и защиты их взаимных интересов на мировом рынке;

4) создание конкурентной среды, обеспечивающей развитие рыночного хозяйства Монголии;

5) формирование органов государственного управления, способных обеспечить социально-экономическое развитие кочевой страны в условиях непрерывно расширяющихся и углубляющихся рыночных отношений, и т.д.

Разрушение привычной, построенной по марксистским лекалам парадигмы истории Монголии, смена категориального аппарата в оценках прошлого произошли в рамках новейшего исторического времени почти мгновенно. На этом этапе развития научного монголоведения особый интерес приобретают идеи и концепции европейских ученых, ранее, в советский период, не афишируемые в востоковедной науке. С развитием процессов индивидуализации и специализации отраслей исторических знаний особую актуальность приобретают систематизация и классификация вклада отдельных исследователей и ученых, востоковедных и монголоведных школ в изучение исторического наследия российско-монгольских отношений. Поэтому представляется важным классифицировать основные оценочные историографические критерии, успехи и недостатки исторической монголоведной науки, определить основные задачи, поставленные в XXI в. перед российской историографической наукой в области монголоведения.

В мировом монголоведении назрело большое число вопросов по фундаментальным проблемам, среди которых необходимо выделить:

1) проблему этногенеза монгольских народов, влияние монгольских народов на процесс этнополитической консолидации народов развивающегося Российского государства;

2) исследование вопроса о государственности номадов (кочевников) в мировой исторической науке.

В анализе проблем противостояния России и Китая, обусловленного борьбой за обладание Монголией, в первой половине XX в. задачей первого плана стано-

¹ Wang Peiran. Mongolia's Delicate Balancing Act // China Security. – Washington, D.C., 2009, is. 14.

² Bedeski R.E. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-state // The Mongolian Journal of International Affair. – Ulaanbaatar, 2006, № 13, с. 83.

вится исследование места и роли малых государств в глобальных и региональных конфликтах того времени. Оригинальной в этом отношении является мысль востоковеда С.Г. Лузянина о сочетании активного и пассивного начал в монгольском политическом курсе на мировой арене (Монголия как объект политики России, Китая, Японии и одновременно как субъект собственной государственной политики)¹. Просматривается концептуальная параллель между международным положением Монголии в начале и в конце XX в.

Мы полагаем, что борьбу монголов за освобождение от Цинского Китая в начале XX в. следует трактовать как национально-освободительное движение. Методологическое положение о том, что это была буржуазная революция, не выдерживает критики. В условиях того времени в стране не были развиты буржуазные отношения, и дебаты о построении демократического общества были бы явным забеганием вперед. Е.А. Белов и С.Г. Лузянин подвергли обоснованной критике положения, выдвинутые монгольским ученым Б. Лхамсуреном о провозглашении независимости Монголии как о «национально-освободительной революции». Борьба монголов за отделение от Китая в 1911–1915 гг. была национально-освободительным движением. Существование автономного монгольского государства в 1911–1919 гг. обусловлено не только международными обстоятельствами (русско-китайским противоборством, влиянием Синьхайской революции в Китае), но и, прежде всего, внутримонгольскими процессами — стремлением монголов возродить национальную государственность и добиться

¹ Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. — М., 2003, с. 227.

независимости в рамках панмонгольской идеологии².

Рождение новой монгольской государственности — Монгольской Народной Республики — происходило под воздействием мощных социальных катаклизмов в России и Китае. Являясь отчасти продуктом политики Коминтерна и Гражданской войны в России, монгольская революция 1921 г. вобрала в себя многовековой опыт борьбы за суверенитет, независимость и объединение монгольских племен. Революция 1921 г. фактически совместила два противоречивых момента: идеи движения 1911–1912 гг. (независимость, панмонголизм), органично перешедшие от прежнего теократического руководства к новому революционному правительству, и идеологическое влияние Советской России и Коминтерна, считавших Монголию удобным объектом для приложения революционной политики, а также выгодным стратегическим «буфером» на дальневосточных рубежах³.

Выделяя два основных уровня собственно монгольской политики — межгосударственный и этнорегиональный⁴, мы приходим к выводу о различных векторах политики Монголии. Если на первом уровне Монголия являлась в основном объектом политической и другой активности России и Китая, то на втором она была активным субъектом, проводившим в рамках той или иной идеологической доктрины собственную линию относительно Внутренней Монголии, Тувы, Бурятии, Тибета и других сопредельных этнорегионов.

² Campi A. Mongolia's Integrating with Asia's Heartland. Finding a Future and Rediscovering the Past // ICMS, 2002, vol. VIII, p. 3–9.

³ Hislight N. Contemporary Mongolian-Russian Relation // Geopolitical Relation between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. — Taiwan, 2004, p. 189–204.

⁴ Лузянин С.Г. Указ. соч., с. 3.